

Союзом и советским блоком, который также сыграл вполне определенную роль в дезинтеграции СССР. Фактически, этот конфликт явился продолжением антисоветской политики западных стран, которая распространилась в культуре, политике, дипломатии, экономике, идеологии. Использовались различные средства воздействия на советских людей. «Запад обрушил на советское общество мощнейший поток информации (скорее дезинформации) о жизни на Западе, западной культуры (скорее массовой псевдокультуры), идеологии, пропаганды западного образа жизни и критики образа жизни советского».

В результате, с началом кризиса советской системы меры по его преодолению сводились именно к реформам и «перестройке» советского общества по западным образцам. «При этом советские реформаторы игнорировали тот факт, что западные образцы не являются универсальными. — А. А. Зиновьев особо подчеркивал искусственный и насильственный характер этих преобразований, — в Советском Союзе в тот момент не созрели и не могли созреть в принципе никакие предпосылки для перехода к капиталистическим социальным отношениям и к соответствующим им политическим формам. В массах населения не было никакой потребности в переходе к капитализму».

В работах А. А. Зиновьева тщательно анализируются такие актуальные проблемы современного общества как глобализация, причины распада Советского Союза, социальный строй и интеграция западных стран, а также внешнеполитический курс западных стран в контексте современного исторического процесса. Зиновьев тщательно и подробно с научной точки зрения изучил различные сферы западного общества, а также степень влияния западных стран на мировой арене, именно поэтому его концепция «западнизма» имеет в настоящее время большое значение для определения внешнеполитических стратегий для стран бывшего СССР. После окончания Второй Мировой войны в течение десятилетий существовал биполярный мир, закрепленный Ялтинской системой. Затем, после окончания «холодной войны» и победы западного блока в этом конфликте наметился переход к однополярной модели мира при явном доминировании США. Понимание логики этих внешнеполитических трансформаций и причин поражения Советского блока необходимо для формирования и определения внешнеполитических стратегий, как России, так и Республики Беларусь. Наиболее оптимальной является стратегия ориентирования на многополярный мир, поскольку и политика изоляционизма, и попытка вписаться в однополярный глобализм не позволят развиваться этим странам в полной мере. Такой внешнеполитический курс не отрицает объективных процессов глобализации — в качестве социально-экономической и культурной интеграции стран современного мира, а придает глобализации иной вектор — без явного доминирования США. Россия и Беларусь должны стремиться к поиску союзников в современном мире среди стран Востока и Запада — именно это позволит уравновесить мощь США и занять этим странам достойное место на мировой арене.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА В. РОЗАНОВА И БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XX в.

Лебедева М. Л., Белорусский государственный университет

Пути формирования творческого метода В. Розанова соотносятся с развитием художественной системы модернизма и связаны с актуализацией феномена «усиленного сознания». Тенденция к отражению духовного бытия личности, сосредото-

ченной на проблемах внутреннего самоопределения, приводит к созданию новых жанровых форм и поиску нетрадиционных эстетических решений в целом. Розановская концепция «ухода из литературы» определяется стремлением писателя привнести в произведение процесс самопознания личности и связанные с ним подробности «жизни души», сделать литературное произведение «личным документом» (и наоборот — ввести «личный документ» в литературу), разрушая границу между художественной моделью мира и миром реальным.

В белорусской литературе конца XX в. с эстетической концепцией В. Розанова соотносится поэтика фрагментарной лирической прозы Ф. Янковского, Я. Брыля, Л. Голубовича. И хотя в произведениях белорусских писателей осмысливаются иные реалии окружающей действительности, культуры, истории и современности, актуальность розановской традиции проявляется здесь в принципах создания образа противоречивой личности, углубленной в себя и фиксирующей процесс экзистенциального внутреннего самоопределения.

В качестве главной творческой предпосылки Ф. Янковского при создании им циклов лирических миниатюр выступает стремление запечатлеть в живом слове «живую рэчаіснасць». Каждый «фрагмент», входящий в целостность произведения, представляет собой рассуждение о проявлениях «живой жизни», наблюдение над которой непрерывно ведет писатель. В миниатюрах Ф. Янковского преобладают небольшие рассказы-зарисовки, которые позволяют раскрыть многогранную реальность и одновременно оценить ее; герои миниатюр заимствованы из реальной жизни (с ними писатель встречается и общается, замечая и фиксируя их живые реакции на те или иные реалии жизни). Создавая живые портреты современников, простых людей, рассуждая о жизни и судьбе каждого из них, осмысливая собственное отношение к событиям и явлениям, Ф. Янковский сосредоточен на том, что чувствует его герой в каждой конкретной ситуации коммуникации с окружающей действительностью. Понять «живую жизнь» и через это понять себя — так можно определить основную творческую интенцию, реализующуюся в лирических миниатюрах писателя.

Во фрагментарной прозе Я. Брыля представлены такие принципы эстетического освоения действительности и собственных духовных экзистенций, при которых раскрывается «восприятие мира через себя, свою душу, свой разум, свои идеалы», и это связано с преемственностью традиции В. Розанова. В мотивной структуре «Вячэрняга» подобно розановскому «Уединенному» актуализируются семантические оппозиции любви и страдания, жизни и смерти при изображении частного и общезначимого, соотносимого в рамках художественной целостности произведения. Гуманистическая позиция автора, который не декларирует свою систему ценностей, а вводит ее в произведение посредством отбора и эстетического освоения явлений духовной жизни личности, субъективных переживаний и чувств понятна и близка потенциальному читателю. Автобиографическая основа «Вячэрняга», лирическая тональность и общечеловеческая проблематика приобщают последнего той откровенности и, одновременно, сокровенности сказанного, которая и составляет художественный мир произведения. Слова «для себе» оказывается определяющим в поэтике «Вячэрняга» и в контексте всего произведения противопоставляется необходимости идти на уступки для печати. Антиномия «живого слова» и слова, как бы обезличенного «печатным станком», актуальна в творчестве В. Розанова и оказывается закономерной для Я. Брыля, стремящегося утвердить в произведении «моц і вечнасць сапраўднага слова».

Освоение собственного духовного мира как объекта эстетического, фиксация процесса авторефлексии выступает в качестве определяющей интенции в произведе-

нии Л. Голубовича «Зацемкі з левай кішэні», поэтика которых соотносится с розановским «Уединенным» и «Опавшими листьями». Во фрагментарном повествовании о себе, времени, литературе и культуре Л. Голубович рассуждает о преемственности розановской и брылевской традициям. В «Зацемках ...» воссоздается процесс самоидентификации противоречивой личности, актуализируются структурно-семантические оппозиции «временное — вечное», «жизнь — смерть», осмысливается природа творчества, слова в вечности, самого процесса мышления как движения, что характерно для прозы В. Розанова 1910-х гг.

Обращение к традиции В. Розанова на рубеже XX—XXI вв. способствует осознанию социокультурных проблем современности, расширяет границы понимания ценности бытия в его различных проявлениях, углубляет представления о психологии личности, определяет возможность нового осмысления потенциала художественного слова и образа.

СКАЗ КАК ТИП ПОВЕСТВОВАНИЯ И СКАЗ КАК ЖАНР

Лебедев С. Ю., Белорусский государственный университет

В советском литературоведении о сказе впервые заговорил Б. М. Эйхенбаум в статьях «Иллюзия сказа» (1918) и «Как сделана "Шинель" Гоголя» (1919), после чего многие исследователи возвращались к этой теме, наполняя значение понятия «сказ» своим видением, что не привело к его однозначному определению, а лишь «размыло» его. В итоге камнем преткновения в определении сказа стал выбор позиции, основанной либо на определении, данном В. В. Виноградовым (солидарным с Б. М. Эйхенбаумом), либо на определении М. М. Бахтина.

В. В. Виноградов считал, что сказ — это «своеобразная литературно-художественная ориентация на *устный* (выделено нами. — С. Л.) монолог повествующего типа». М. М. Бахтин утверждал, что «в большинстве случаев сказ есть прежде всего установка на чужую речь, а уж отсюда, как следствие, — на устную речь».

Некоторые исследователи (например, Н. А. Кожевникова), считают, что эти толкования не противоречат друг другу. Однако по поводу определения М. М. Бахтина следует отметить, что установка на *чужую речь* не всегда «как следствие» дает установку на *речь устную*. Мировая литература знает огромное количество произведений, повествование которых ведется от первого лица, от лица персонажа, который абсолютно не «совпадает» с автором, *речь* которого для автора — чужая, так как этот герой не есть автор, а лишь персонаж, введенный в художественный мир и являющийся «посредником» между этим миром и читателем. В таких случаях персонаж-«посредник» «говорит» с нами не языком автора, а тем языком, которым его автор наделил, который *всегда* будет чужим для автора, так как *речь* этого героя будет не только изображающей, но и *изображенной*, — а следовательно, и *оцениваемой* автором. Критерий установки на «чужое слово» — недостаточен для определения сказа. Взяв за основу определения сказа слова М. М. Бахтина, мы будем вынуждены отнести к сказу, например, «Дом с мезонином» или «Жену» А. П. Чехова.

В. В. Виноградов подразумевал под решающей в сказе установкой на *устное слово* и не акцентировал внимание на *чужом* слове. Считая определение В. В. Виноградова более соответствующим сути сказа, мы вынуждены констатировать, что оно тоже требует определенного уточнения. А именно: может ли повествование иметь установку на *устную речь*, не имея при этом установки на *речь чужую*?